

Чуковский К.

18. 3. 92.

Юбилей

Вез. Моск. вг. - 1992. - 18 марта

РАЗГОВОР ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ

Исполняется 110 лет со дня рождения Корнея Чуковского

После вчерашнего «слезного» звонка секретарю Чуковского бывшей однокласснице Кларе Лозовской получаю ответ: «Приезжай, ждем».

— В Африку?

— В Африку!

В Переделкино еду электричкой. Солнце, снег, февраль, год шестьдесят третий.

Корней Иванович добродушно насторожен: нет ли подвоха с очередной соученицей? Недавно были три, сегодня — еще одна. Но все сомнения рассеяны, дается милое согласие позировать, раз так необходимо.

Корней Иванович оказался хорошей «моделью». Он тут же забыл о моем присутствии: читает, притом без очков, перелистывая страницу за страницей; что-то записывает, и бровь вопросительно ползет вверх. Но когда я прошу посмотреть на меня с любовью — приветливо и добро улыбается. Пока я прикидываю, что бы такое еще изобразить, Чуковский перехватывает инициативу — с гордостью сообщает, что Оксфордский университет присвоил ему звание почетного доктора литературы, и с удовольствием демонстрирует себя в пурпурной мантии. Кажется, все, съемка закончена.

Но тут... звонит телефон. Дедушка Корней берет трубку. Судя по всему, говорят не от Тотоши, а мне повезло, вместо калаш — снимок.

Мы пьем кофе. Радужный хозяин вспоминает, как в молодости потерпел фиаско из-за самоуверенности, считая долговязость отнюдь не помехой успеха у женщин. Рассказывает, как отправился последний раз в Лондон, захватив с собой запретный коньяк и «Столичную». На таможне выручили тогда почтенный возраст и знание английского.

— Чувствую, сейчас лишусь заветной кладки. Обращаюсь к таможеннику со всей почитательностью: сэр, вы видите, на мне калоши, и я не так уж молод. Больше всего на свете боюсь простудиться. Погода плохая, а коньяк просто необходим для растирания.

Страж закона от смеха не может вымолвить ни слова и отпускает с миром.

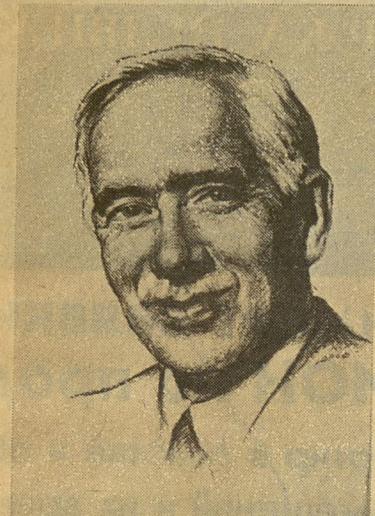
Корней Иванович идет провожать. В дверях прощается и, хитро улыбаясь, спрашивает:

— Хочешь зайти к одному писателю? Паустовский тут рядом и — неплохо пишет.

Видя мое замешательство, как ни в чем не бывало продолжает:

— Понимаю, у тебя нет на него наряда...

И снова Переделкино. В руках несколько отпечатанных портретов писателя. Корней Иванович прини-

мает меня как добрую знакомую, однако реакция на дар совершенно неожиданна: по мере того как он рассматривает снимки, выражение лица становится все более и более кислым.

— Интересно, — начинает он, — привезла старику, вот, мол, смотри, какой старый, морщинистый. Я давно перестал глядеться в зеркало. Даже когда бреюсь, стараюсь закрывать глаза. И — не стыдно, а я поил тебя кофею...

Понимаю, что надо что-то сказать, начинаю оправдываться, что во всем виноват свет, который подчеркивает морщины, даже те, которых нет. Мои слова, как ни странно, действуют. Он повеселел и уже смеется.

М. ОКУШКО.

Фото автора.
Рис. Э. ЯРОВА.